

Н. Г. Багдасарьян,

доктор философских наук, профессор

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

*Будущее уже наступило.
Просто оно еще неравномерно распределено
Уильям Гибсон, писатель-фантаст*

Дискуссии о перспективах становления нового миропорядка, ведущиеся еще 10-15 лет назад, сегодня теряют остроту: стало очевидным, что в современных условиях ни одно государство, даже самое мощное и влиятельное, не способно управлять мировыми процессами, и, тем более, контролировать их. Однако сдвиг центра цивилизационной активности, становление многополярной системы мира характеризуются высокой степенью турбулентности, многообразием неочевидных процессов в распределении сил на международной арене, непредсказуемостью политических стратегий лидеров – как стран ведущих, доминирующих сегодня, так и быстро растущих и стремящихся к пересмотру мировой системы.

Заметим, что линейный подход к глобальной расстановке сил, выделяющий этапы двухполюсного противостояния США и СССР и однополярного доминирования США, некоторым образом упрощает проблему. Да, два полюса, уравновешивая друг друга посредством военных блоков, поддерживали, хотя и весьма хрупкое (вспомним Карибский кризис), равновесие. Но параллельно с этим росла Япония, усиливалась Западная Европа, а чуть позже и экономики стран Юго-Восточной Азии (ASEAN). Так же и однополярное доминирование США после распада СССР и Варшавского договора сопровождалось ростом Китая, Индии и ряда других государств Арабского региона. Собственно, сегодня мы и видим их выход на мировую сцену как самостоятельных и сильных акторов мировой политики. То есть,

«строительные леса», новые ростки многополярного мира, при всей сложности, неравномерности в темпах и направлениях развития уже пробивались из руин прошлого.

И вновь мы вынуждены оговориться, подчеркивая в прогнозировании направленности трендов будущего мироустройства высокую степень неопределенности. Пучок этих неопределенностей все время трансформируется – по мере того, как настоящее переходит в будущее, он то сужается, то расширяется за счет возникновения все новых и новых событий, которые либо создают новые возможности, либо сокращают уже возникшие. Приведем известный исторический пример с падением Берлинской стены осенью 1989 г. Практически накануне, в январе 1989 г. тогдашний лидер ГДР Эрих Хонеккер заявил, что она простоит «еще сто лет». Не только ему, но и всем вокруг казалось, что этот порядок стабилен и противостоянию двух гигантских держав не будет конца. Как изменился мир после этого события, известно. Описание его с осмыслением причин краха социалистической системы занимает тома.

На протяжении XX и первой четверти XXI вв. человечество, пережившее две мировых войны и немало локальных, несколько раз стартовало как бы от нулевой отметки в надежде обрести пусть неустойчивое, но – равновесие, пусть не «вечный мир» по Канту, но возможность в стабильной ситуации получить образование, реализовать себя, вырастить детей. Однако нарастание глобального кризиса, проявляющегося в нарушении основ геополитической устойчивости, новом витке гонки вооружений и, наряду с новым этапом холодной войны открытого вооруженного противостояния в разных частях света вновь заставило массы людей подниматься с мест их привычного обитания в поисках лучшей доли. Новая языковая и географическая среда, необходимость коммуникации с людьми иной культуры требуют коррекции представлений о собственной идентичности. Но и перед теми, кто остается в местах привычной локализации, меняющаяся геополитическая картина мира, которая

открывается сегодня практически каждому благодаря не только традиционным СМИ, но и новым медиа, проблема отождествления своей личности встает во весь рост. В «мировой деревне» (Маклюэн) снижается значимость этно-национальных оснований идентичности личности, чувство принадлежности индивида к определенному государству, обществу и культуре. В современном мире человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, становясь носителем множественной идентичности [1, 3].

Вместе с тем, глобализационные процессы периода однополярного доминирования США сопровождались культурной экспансией Америки путем обучения в своих университетах иностранной элиты, возвращающейся в свои страны носителями образцов американской политической культуры; индустрия Голливуда задает ценности и нормы миллионам жителей планеты, в десятках государств мира национальной кухне предпочитают Биг-мак. Одежда, техника, музыка, книги, телевидение – все американское стало органичной частью национальных культур по всему миру. В самих же США рубежа 1990-х-начала 2000-х гг. произошло нечто важное: главная эмигрантская страна перешла от практики ассимиляции («плавильного котла») в одну большую американскую нацию к торжеству «множественных» лояльностей. Диаспоры выказывали больше симпатии к покинутой, нежели к приобретенной родине. Произведенная администрацией Клинтона реформа в области межэтнических отношений – разнообразие выше единства – будет иметь долговременные последствия [2, 374-375].

Европейская ситуация, еще относительно недавно описываемая терминами мультикультурализма, в последнее десятилетие меняется радикально. Прежний оптимизм европейцев, включая и представителей политического класса, относительно благотворности для западного общества сохранения мигрантами их культурного своеобразия, сменился осознанием конфликтного потенциала иммигрантов и угрозы политической нестабильности [3].

Итак, мы можем фиксировать чрезвычайно сложные процессы эволюции идентичности от исконных, этнокультурных форм, которые в традиционном, преимущественно крестьянском обществе представлялись неизменными и вечными, и идентичностью социальной, в которой даже мысленное проведение границ, очерчивающих *свое* пространство, становится крайне затруднительным. Личность вынуждена считаться с контекстом своего социального, классового, политического, идеологического, экономического, расового и т.п. бытия, а контекст этот в современном мире подвижен и быстротекущ. Необходимость соответствовать такому меняющемуся контексту как бы выталкивает идентичность на поверхность индивидуальной структуры, подменяется ролью. Здесь можно привести в качестве примера весь блок проблем т.н. «новой нормальности». Хотя это понятие появилось почти сто лет назад, в период Великой депрессии в США, и было связано со снижением предсказуемости в экономике, нестабильности и неопределенности, оно как нельзя кстати оказалось для определения самых разнообразных новаций современного мира – от сферы политики и СМИ до гендерной проблематики, когда биологический пол подменяется гендерным конструктом, т.е. сущность – ролью.

Чем грозит идентичности многополярный мир? Можем ли мы, основываясь на сложной, многовекторной и вариативной картине современности, сделать попытку прогноза тренда, ограничив себя рамками культурной идентичности? Оставим за этими рамками влияние на саму природу человека (а, следовательно, и его идентичность) посредством сильного искусственного интеллекта, что составляет самостоятельную проблему, а также такие маловероятные события в поле неопределенности как обнаружение внеземных форм разумной жизни. И сделаем некоторые заключения.

Во-первых, государственная политика, чьей основной задачей в многополярном мире становится удержание status-quo, баланса интересов и всеобщей безопасности, должна будет руководствоваться «правом на

культуру» и свободным участием в культурной жизни, зафиксированными еще во Всемирной декларации прав человека (1948) и ратифицированными Международным пактом ООН по экономическим, социальным и культурным правам (1966). Пока, несмотря на солидный возраст этих документов, сохраняющих тем не менее свою актуальность, право на культуру во многих странах не только игнорируется, но и попирается.

Во-вторых, населению всего мира придется мириться с наличием в их странах культурного разнообразия, а правительства будут вынуждены строить свою стратегию с учетом ценностного диапазона культурной самобытности народов, волею судеб населяющих страну, и культурного диалога, как механизма, выявляющего и снимающего конфликтный потенциал.

И, в-третьих, понятие культуры не может быть ограничено его узкими рамками, культура – мощный социальный ресурс, влияющий на все сферы жизни общества. Поэтому социально-научные исследования процессов трансформации социокультурных практик, которые носят и дисциплинарный, и междисциплинарный характер, должны быть институционально востребованы в правовой, управленческой сферах, в образовании и средствах массовой информации. Достоверность научной информации, ее взвешенность – эффективный противовес деструктивным стереотипам, бытующим и в массовом сознании, и в настроениях элит. К тому же, такого рода исследования могут выступать своеобразным зеркалом, способствующим самоидентификации людей.

В целом: в современном мире культурная идентичность играет важную роль в общественных процессах, и в новом типе такого устройства мира, как многополярность, эта роль будет только усиливаться.

Литература

1. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика. Автореф. дисс. на соиск. ст. д.филос.н. М., 2005. С.3).

2. Кузнецова Т.Ф., Уткин А.И. История американской культуры. М.: Человек, 2010. – 432 с.
3. Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // Мировая экономика и международные отношения, 2011, №4. С.3-15.